

ЛЕДЯНАЯ КРОВЬ

ХЬЮГО БОРХ

Коллекция историй ужасов

Хьюго Борх

Ледяная кровь

«Автор»

2026

Борх Х.

Ледяная кровь / Х. Борх — «Автор», 2026 — (Коллекция историй ужасов)

Анна, аспирантка, специалист по мифологии и кандидат в мастера спорта по дзюдо, бежит от домогательств научного руководителя в глухую костромскую деревню Кужган, о которой ходят дурные слухи. Село встречает её не хлебом-солью, а конскими черепами на заборах и древними оберегами от нечисти. Здесь по ночам бродит Белая женщина, забирающая жизни мужчин, а местные жители готовят для приезжей страшную участь на капище в лесу. Анне предстоит узнать, что мифы не умирают, а древняя месть может настигнуть любого. Какую цену придётся заплатить за спасение?

© Борх Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Хьюго Борх

Ледяная кровь

Повесть

*Дух мой, свеча светлая, кровь ты моя кипучая,
Красавец мой! Промолви хоть одно словечушко,
Накажи, как мне жить-то.
Эку ты шуточку надо мной сиуттил!
Подкосил ты мои ноженьки, как косой...*

(Старинное причитание по умершему)

1

УЖЕ два часа автобус мерно покачивался в сумраке зимнего дня, разрезая снежную муть между Костромой и Кужганом. Оставался последний час пути, когда начались остановки не по расписанию – резкие, с шипением пневматики. Каждый раз выводили пожилую женщину из второго ряда.

Сначала пассажиры слышали тихий стон, потом – резкий, влажный хрип. Её дважды, с нарастающей суетой выводили под руки на ледяной ветер. Дверь захлопывалась, но через несколько минут всё повторялось: скрип механизма, клубящийся морозный пар, чьи-то нетерпеливые вздохи. С каждым разом сквозняк, бывший в салон, казался холоднее и злее. Нервы у пассажиров, ожидающих в этой трясущейся коробке, натягивались. Их требования закрыть дверь звучали уже не как просьбы, а как обвинения. И неожиданные остановки только подливали масла в тихо разгоравшуюся внутри панику.

... Анна ехала в Кужган впервые. С недавних пор это село стало местом магической силы, местом притяжения людей, свято верящих в эзотерику и просто любителей всяких небылиц. Хотя никаких капищ здесь не обнаружено, знаменитости или целители тут не жили.

Краеведы рассказывали историю Кужгана, Воскресенского храма, участковой больницы, сгоревшей избы священника Желтухина и уцелевшей избы язычников, бесследно исчезнувшего в этих краях профессора Аришевского, который якобы до чего то докопался, а под занавес вносили вишенку на тортике, – как бы невзначай упоминали легенду о Белой женщине, которую, как утверждалось, в лютую зимнюю ночь изгнали из села, и она уже 200 лет навещает каждого жителя перед смертью. Анна всерьез занималась наукой, перелопатила все дореволюционные источники, – о легенде не было письменных упоминаний. Но перед самым Новым годом на всех «пабликах» появились сообщения, что в Кужгане появилась одна знахарка, которая повешает людей перед смертью. И, казалось бы, ничего необычного, только вот откуда приходит эта знахарка и куда потом уходит, непонятно. Шум об обнаружении капища подняла одна авторитетная автономная некоммерческая организация, краеведы из которой в последние месяцы активно проводили там экскурсии для учителей и школьников Нейского района.

Анна уже второй час наблюдала плотный ряд сосен, выглядевших все суровее и строже, будто автобус въезжал в какие-то дремучие непроходимые леса, хотя даже не преодолели и половину пути. Она представила место прибытия угрюмым таежным селением, загороженным двухметровым частоколом, – диссертация, которую она готовила, была связана с темами мифологии, старинного уклада жизни, деревенского быта. Правда, если бы ее еще неделю назад

спросили об этой поездке, – она не то, что не собиралась, она ни за какие коврижки сюда бы не поехала. Постарался ее научный руководитель Мельниченко, который ни с того, ни с сего стал делать Анне недвусмысленные намеки об «интиме», упаковывая свою похоть в необходимость более тщательной подготовки диссертации на его даче, – ну ясный хобот, без создания дружного тандема ей ведь не защититься. Так и сказал: «Без создания дружного тандема».

Анна давно замечала на себе равнодушный профессорский взгляд, вплоть до испарины на его лбу. Порой в полной задумчивости Мельниченко останавливал этот тяжелый мутный взгляд на ее фигуре, и долго не переводил его на иные объекты. Она нравилась профессору, но предположить, что дойдет до приставаний, как-то в голову не приходило.

После института Анна долго жила с мамой, потом переехала в квартиру, оставшуюся от бабушки, почувствовала себя свободнее, – матери соврала, что у нее появился мужчина. Мельниченко, узнав, что Анна живет одна, стал приставать, – девушка не подавала виду, но ретивость профессора оценила, и для себя в дневничке стала называть его просто М., где второй для себя ставила букву «у», ну и так далее.

М. включил харрасмент на всю катушку, пускал слюну, как бульдог перед тарелкой мяса, ловил удобный случай, чтобы крепко приобнять свою аспирантку, поцеловать, потрогать за талию и даже коленку, погладить по спине, сделав замечание, что девушка сильно сутулится. В общем, набор сексуальных ухищрений был неиссякаем.

Но М. быстро получил «от ворот поворот» и включил абьюзера. В тексте неговорчивой аспирантки нашлись искажение правды писем и записок жителя Костромы, драматурга Александра Островского, неверные интерпретации смысла его пьес... – это когда у нее уже готов был автореферат.

Аня спросила М. о том, почему никто не возмущается, что в культурно-историческом пространстве Дома Рогаткина и Ботникова (там драматург жил и творил), – там, недалеко от каланчи, теперь приютились прокуратура, психдиспансер, пирожковая, аптека и ликеро-водочный магазин.

О катастрофе с защитой диссертации пришлось рассказать всем, подругам, матери, психологу, в конце концов, – рецепт был один: «смириться под ударами судьбы», так это можно назвать. Кто бы сомневался, любой конфликт, скандал и о научной степени кандидата наук можно забыть, – поэтому на все вопросы Анна недоуменно пожимала плечами, но поползли сплетни, что профессор ее «имеет» чуть ли не на кафедре, да еще если что-то пойдет не так, то профессор рискует здоровьем, ведь может схлопотать и прием дзю-до от своей аспирантки.

Весь институт превратился в улей сплетен, насмешек, издёвок, хохм, подковырок и шуточек. Ни одного повода Анна не давала, но отношение к ней в институте резко изменилось. Она сделала шаг, который от нее никто не ожидал, – встретив Новый год в Костроме, она все бросила, и аспирантуру, и спорт, взяла билет, собрала чемодан и села в этот автобус. А ведь весной ее ждала защита, а осенью – чемпионат страны по дзю-до.

Под убаюкивающий шум автобуса Анна закрыла глаза.

Водитель автобуса поддал газу, и миновав пару поворотов нажал на тормоз снова. Возмущение пассажиров рейса росло, и дошло до того, что посыпались предложения высадить пассажирку прямо на дороге (чего уж там) в виду ее состояния.

– Да, действительно, ей не место в автобусе, – вдруг сказала Анна, повернувшись к инициаторам высадки.

Девушку разом поддержали. Но она вдруг всех огорошила, что это шутка, и активистам маршрута проще высадиться самим и оставить женщину в покое.

Нет, с этими людьми ей не найти общего языка, – Анна надела наушники и включила музыку, – но что-то ее беспокоило, она решила порыться в ленте новостей по Нейскому району.

«Обнародованы результаты генетической экспертизы.»

Останки, найденные ранее вблизи поселка Нежога Нейского района, принадлежат 17-летней Алле Печужниковой 2007 г. р., местонахождение которой было неизвестно с 18 августа 2024 года.

Об этом сообщили в Нейском межрайонном следственном отделе следственного управления СК России.

Напомним, останки были найдены 16 декабря днем в лесном массиве вблизи поселка Нежога Нейского района местным жителем во время охоты. Сразу установить личность не удалось, однако рядом были личные вещи. Родственники Аллы Печужниковой опознали обувь, обнаруженную возле тела.

В ходе проведения судебной генетической экспертизы по обнаруженным костным останкам установлена их принадлежность ранее пропавшей в августе той самой девушки.

В рамках расследования уголовного дела будут установлены точные обстоятельства и причина гибели несовершеннолетней».

Дальше в ленте шли новости о прошедшей встрече Нового Года и уличных ярмарках на Рождество; из свежих: об обрыве электропроводов во время прошедшей метели, сгоревшей библиотеке в каком-то селе и трактористе, утопившем в реке трактор.

«Хотя бы работала в Кужгане гостиница. Хотя бы...», – и Анна уснула.

...Белая женщина в белом саване бежала по лесу. Бежала легко, почти не касаясь ногами снежного покрова. И вот она уже парила над поверхностью снега, не замечая деревьев. Длинные белые волосы развевались во все стороны...

«Странный сон», – Аня прильнула к холодному стеклу, стала разглядывать мелькавшие стволы сосен и чернеющую за ними глубину дремучего бора. Сумрак леса был густым, почти сизым в этот полуденный час. Угадывались силуэты обитателей леса. Медведи гуляли за деревьями, лоси просунули морды между густыми лапами елей, под кустами затаились волки. Там, среди однообразной ряби деревьев, упала ветка, посыпался снег и мелькнул силуэт человека. Логично было бы увидеть лесника, на лыжах, в тулупе... Но Анна будто заметила девушку, в платье, с распущенными волосами.

Девушка показалась вновь, бежала между деревьями легко и стремительно, будто снег был совсем не глубоким и ноги ее не застревали в снегу. Она перемещалась зигзагами, задевая ветки.

– Стойте! Водитель, стойте! – закричала Анна.

В автобусе поднялся шум.

– Водитель, остановитесь!

Выкрики и недовольные вопли людей прервались выдохом, который сделал остановившийся автобус.

– Там девушка!

Аня выскочила в распахнутой одежде, метров 70 пробежала до поворота, но никого не увидела. Забежала обратно. Они снова поехали.

И снова видение девушки в лесной чаще заставило сердце Ани застучать сильнее.

Она разглядела волосы девушки. Длинные, как конская грива, которую видишь под серебристым лунным светом, они струились за её спиной не просто прядями, а живым, легким, трепещущим шлейфом. Можно было представить, что это пленница монастыря, сбежавшая оттуда и попавшая в наше время. Лесной ветер буйствовал вокруг беглянки, подхватывая ее белоснежную прядь волос, развевая её, запутывая в иглах сосен и солнечных лучах, что ред-

кими кинжалами пробивались сквозь чашу. Казалось, это не волосы развевались по ветру, а сам ветер ткал из них шелковую ткань.

На девушке было что-то светлое и простое – будто длинная рубаха. Лица рассмотреть не удалось, лишь ощущение острой, дикой свободы в каждом взмахе руки, в каждом прыжке через валежник.

Видение пропало. Видение осталось за поворотом. Оно полностью совпадало со сном. И где был сон, где явь?

Еще один поворот, и в глубине леса поднялось большое облако снега, достающее до макушек елей и из него вылетела та девушка. Она будто от кого-то убегала. Но преследователь себя не обнаружил. Это был даже не бег, а какой-то полет над снежным одеялом, настолько стремительный, что беглянка успела скрыться в чаще леса еще до поворота дороги, когда сосны сомкнулись, как театральный занавес. Беловолосая девушка исчезла, растворилась в сером сумраке, будто её и не было. Осталось лишь ощущение чуда – резкое и тревожное. И медленно тающее за окном эхо её белых волос, ещё колыхавшееся в воображении Ани, теперь становилось, пожалуй, единственным доказательством, что происшествие было наяву.

Аня усиленными движениями протерла глаза. Беловолосая девушка как явь, как сон, как галлюцинация... Но где-то была спрятана причина?

И снова Аня пялилась в окно. Деревья мелькали и конца им не было видно. В мрачной глубине леса кое-где осыпался с веток снег, кое-где поднимались облака снежной пыли. «Наверное, бродит зверье», – решила она.

Кто-то из заднего ряда положил руку ей на плечо. Она вздрогнула от неожиданности. Но не открыла глаз, боясь встретить знакомое лицо. Руку убрали. Кто-то сел рядом. Пора взглянуть. Взглянула. Нет, рядом кресло так и оставалось свободным. М. ее преследует даже в мыслях. Она развернулась и уставилась в проем между креслами: позади спали двое пожилых пассажиров, мужчина и женщина. Но такое не могло показаться. В убаюкивающем шуме, который издавал двигатель автобуса раздался тихий неразборчивый голос, в котором удалось различить лишь два слова: «Она придёт...»

2

Анна приехала в Кужган после полудня. Село было завалено снегом, и казалось, уснувшим на всю зиму.

Скоро сумерки. До наступления темноты надо бы успеть устроиться или как минимум определиться с ночлегом. Но в душе Анны, вместо воодушевления от нового места была пустота, густая и оцепеняющая, как этот зимний воздух, пропитанный запахом дровяного дыма.

Протиснуться со своим чемоданом в переднюю дверь долгоиграющего автобуса с первого раза не получилось. Тогда она вышла сама, а потом потянула со ступенек чемодан.

На обледенелой кромке дороги нога предательски скользнула, и сердце на миг ухнуло в пятки, но ей удалось удержать равновесие. Затем Анна инстинктивно закуталась в шарф, словно пытаясь спрятаться от этой ледяной пустоты, и с каким-то странным чувством одиночества посмотрела вслед уходящему автобусу. Когда он, попыхтев, скрылся в снежной дымке, девушка осталась одна перед лицом угрюмого, молчаливого села, где, казалось, время и мороз остановились навсегда. А дети, что катались на картонных коробках с ледяной горки, будто выпали из другого времени.

– Ребята! Где гостиница?!

Они засмеялись и снова полезли на свою горку.

Скоро за спиной голоса ребятни затихли. Село стояло под январскими морозами, аккуратное, снежное, хрустящее под ногами. Но почему оно казалось спящим? Почему не веселым, а таким насупленным, угрюмым, будто собиралось кого-то ругать за провинности. Каким оно будет, когда начнет смеркаться и появятся столбики дыма над снежными шапками крыш, когда придет ночь, и ветер завоет в печных трубах, как лесной голодный зверь?

Знакомство с селом пока не задалось. Ватага ребятишек, лающая собака за чьим-то двором, пробегающая голодная собака под забором, и еще одна ватага ребятишек.

За исключением вытоптанной вокруг горки снег лежал непроницаемым саваном, будто из дома никто не выходил. Аня потащила чемодан по узкой снежной тропке до деревянного штакетника с конским черепом в шапке снега на калитке, потом потащила вдоль штакетника, затем с возвышенности, на которую вывела дорожка, спустила чемодан на проселочную дорогу, прочищенную ковшом трактора, и прижав сумку к груди, снова оглянулась, задрала вверх пуховик, уселась на горку и съехала следом за чемоданом.

– Здравствуйте, а до гостиницы далеко? – обратилась Аня к женщине, спешившей с ведром к колодцу.

Женщина развернулась, оглядела городскую гостью, сняла варежку, и раскрыла местный секрет:

– Так она ж закрыта.

– Спасибо! А где мне поселиться? – не растерялась Аня.

– У нас не курорт. Летом наезжали туристы – палатку ставили, а зимой не едут. В музей иди. На краю улицы. Туды в любую избу стучи, – позовут Семёна Григорьича. Он любит мерековать (думать – прим. автора). Поселит к кому-нибудь. Предложит пожить в музее, – отказывайся. Дурное тамо. Смотрительница была, она тамо с катушек съехала, и в лесу окончалась (умерла – прим. автора). С болотины (болотистая местность – прим. автора), да с кладбища туды всё таскала. Сгоношили (из старого переделали – прим. автора), – и вот тебе музей. Покойников тревожить нешто. Люди зря не баяют (не болтают – прим. автора).

И женщина махнула рукой, подсказывая, что рассказ окончен.

Аня потянула чемодан по указанному направлению, так и не узнав о расстоянии.

Пройдя метров двести, Аня почувствовала взгляд, – он был оттуда, где она только что разговаривала с «местной» – женщина стояла на том же месте.

Чемодан застрял в каше снега и двигаться не хотел. Деревня встречала её неласково: низкое свинцовое небо, редкий дым из труб, стелющийся по земле, и тишина, прерываемая лишь хрустом её собственных шагов.

Дома стояли по обе стороны, неяркие, будто припорошенные пеплом. И в этой обыденности проступало что-то древнее, настороженное. Вот покосившийся забор. На столбе, у резных ворот, почерневших от времени, ржавой железной проволокой был примотан еще один череп лошади. Из-под шапки снега пустые глазницы смотрели прямо на Анну, и сквозь них был виден кусок серого неба. Казалось, череп не столько отпугивает нечисть, сколько молчаливо предупреждает путника: дальше – чужая территория, живущая по своим, забытым законам. Но назад дороги не было.

На следующем участке на каждый острый кол был надет перевернутый вверх дном глиняный горшок или кувшин с отбитым горлышком. Они торчали, как безмолвные стражники, глухие и пустые. В их округлых боках застыл зимний свет. Местные веровали, что в эти глиняные ловушки может забиться болезнь или блудный дух, сбившийся с пути. И дух этот не успокоился, томится, тоскует, и беспокоит живых. Будет о чем написать в книге.

Обереги висели на самих дверях. На кованом гвозде под резным наличником качался пучок, похожий на диковинный амулет: высохшие головки чеснока и лука были сплетены с ветками темно-зеленого, почти черного можжевельника. Ниже, на скобе, был пристроен маленький веник из рябиновых прутьев, связанный красной ниткой. Он был похож на ритуальный предмет, предназначенный для выметания из углов человеческой жизни всякой нежити и дурного глаза.

Воздух здесь пах уже не просто дымом, а чем-то горьковатым – полынью и сырой древесиной. Каждый дом приготовился к встрече Зла.

Какого? Откуда? Чем жители так напуганы? Анна сделала передышку, оглянулась. Удирать бы отсюда по добру – по здорову... Но автобус будет только завтра.

Она приехала в глухую деревню, где до сих пор верят, что зло можно поймать в горшок, вынести веником и остановить пустым взглядом конского черепа. И самый главный вопрос, от которого стало ещё холоднее: а что, если эти верования – не просто суеверие, если жители соблюдают старые ритуалы?

После километрового маршрута, Аня перебралась с чемоданом через снежный гребень, образовавшийся после работы трактора, который ковшом разгребал снег с дороги на обочину. Теперь нужно было преодолеть снежные завалы до крайнего дома с коньком в виде головы коня на крыше. В Костромской области, на стыке славянских, балтских и финно-угорских традиций, сложилась уникальная система охранительной магии, и конёк или как его еще называли, охлупень выполнял роль главного стража дома, – попросту отгонял зло. Только не на всех домах такие коньки были установлены. По пути Анна увидела лишь конек с изваянием головы утки.

Штакетник перед музеем утопал в снегу. От колодца в левую сторону, к соседскому жилому дому уходил свежий след от валенок. А направо к музею, вновь предстояло преодолеть заснеженную территорию. Анна пошла, – на крыльце дома лежал не тронутый слой снега сантиметров двадцать. Вывеска гласила, что это Краеведческий музей села Кужган. На дверях висел тяжелый амбарный замок.

Аня шагнула в сторону и взгромоздила свой чемодан на сугроб под окном с резными наличниками, чтобы не оставлять его на пути. Чемодан съехал обратно к ее ногам.

Ну вот! Вот она впервые улыбнулась, вернулась к двери, обитой по-старинному, – войлоком, чтоб теплее было внутри, а сверху клеёнкой, и гвоздями ромбиком. Дверь сохраняла обрывки бумаги и следы клея от объявлений. Листки могли оказаться в снегу.

Поработав ногами по поверхности снежного покрова, она извлекла одну из бумажек из снега. Объявление, написанное от руки, гласило, что похороны смотрительницы музея, Инги Ивановны Кнуш состоятся такого-то числа декабря месяца, а прощание пройдет в музее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.